

***ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ СТЕФАНА ЦВЕЙГА.
БЕГЛЕЦ В ПРОШЛОЕ.***

28 ноября 1881 – 22 февраля 1942 гг.

23 февраля 1942 г. газеты всего мира вышли с сенсационным заголовком на первой полосе: «Знаменитый австрийский писатель Стефан Цвейг и его жена Шарлотта покончили с собой в пригороде Рио-де-Жанейро». Под заголовком помещалась фотография, больше похожая на кадр из голливудской мелодрамы: мертвые супруги в постели. Лицо Цвейга умиротворенно-спокойно. Лотта трогательно положила голову на плечо мужа и нежно сжимает его руку в своей.

В то время, когда в Европе и на Дальнем Востоке бушевала человеческая бойня, ежедневно уносившая сотни и тысячи жизней, это сообщение не могло долго оставаться сенсацией. У современников поступок писателя вызвал скорее недоумение, а кое у кого (к примеру, у Томаса Манна) – так и просто возмущение: «эгоистическое презрение к современникам».

Самоубийство Цвейга и спустя более чем полвека выглядит загадочно. Его причисляли к одному из всходов той суицидальной жатвы, которую фашистский режим собрал с нив германоязычной литературы.

У Цвейга же никаких очевидных, обыденных причин для того, чтобы свести счеты с жизнью, не имелось. Ни творческого кризиса. Ни финансовых затруднений. Ни смертельной болезни. Ни проблем в личной жизни.

До войны Цвейг был самым успешным немецким писателем. Его произведения издавались во всем мире, переводились более чем на 30, языков. По меркам тогдашней писательской среды он считался мультимиллионером. Разумеется, с середины 30-х годов германский книжный рынок оказался для него закрыт, но оставались еще американские издатели. Одному из них Цвейг за день до смерти отправил два последних своих произведения, аккуратно перепечатанных Лоттой: «Шахматную новеллу» и книгу мемуаров «Вчерашний мир». В столе писателя позднее обнаружили так и незаконченные рукописи: биография Бальзака, очерк о Монтене, безымянный роман.

Большой удачей для писателя было получение британского подданства, данная мера, избавляла от эмигрантских мытарств с документами и визами, ярко описанными в романах Ремарка. Миллионы людей, зажатых в жернова гигантской европейской мясорубки, могли только позавидовать писателю, комфортно устроившемуся в райском городке Петрополис и вместе с молодой женой делавшему вылазки на знаменитый карнавал в Рио.

Версий о причинах самоубийства высказывалось немало. Говорили об одиночестве писателя в чужой Бразилии, тоске по родной Австрии, по разграбленному нацистами уютному домику в Зальцбурге, расхищенной знаменитой коллекции автографов, об усталости и депрессии.

«Великое отчаяние порождает великую силу»

Стефан Цвейг

Есть странная логика в том, что этим жестом отчаяния завершилась жизнь человека, казавшегося современникам баловнем судьбы, любимцем богов, счастливецом, везунчиком, родившимся «с серебряной ложкой во рту». «Возможно, прежде я был слишком избалован», – говорил Цвейг в конце жизни. Слово «возможно» тут не слишком уместно. Ему везло всегда и везде.

Повезло с родителями: отец, Мориц Цвейг, был венским текстильным фабрикантом, мать, Ида Бреттауэр, принадлежала к богатейшей семье еврейских банкиров, члены которой расселились по всему миру. Состоятельные, образованные, ассимилированные евреи. Повезло родиться вторым сыном: старший, Альфред, унаследовал отцовскую фирму, а младшему предоставили возможность учиться в университете, чтобы получить университетскую степень и поддержать семейную репутацию титулом доктора каких-нибудь наук.

Повезло с временем и с местом: Вена конца XIX века, австрийский «серебряный век»: Гофмансталь, Шницлер и Рильке в литературе; Малер, Шенберг, Веберн и Альбан Берг в музыке; Климт и «Сецессион» в живописи; спектакли Бургтеатра и Королевской оперы, психоаналитическая школа Фрейда... Воздух, пропитанный высокой культурой. «Век надежности», как его окрестил ностальгирующий Цвейг в предсмертных мемуарах.

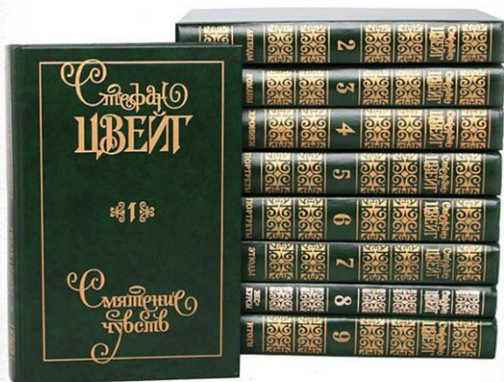
Повезло со школой. Правда, саму «учебную казарму» – казенную гимназию – Цвейг ненавидел, но он оказался в классе, «зараженном» интересом к искусству: кто-то писал стихи, кто-то рисовал, кто-то собирался стать актером, кто-то занимался музыкой и не пропускал ни одного концерта, а кто-то даже печатал статьи в журналах. Позднее Цвейгу повезло и с университетом: посещение лекций на философском факультете было свободным, так что занятиями и экзаменами его не изнуряли. Можно было путешествовать, подолгу жить в Берлине и Париже, знакомиться со знаменитостями.

Повезло во время первой мировой войны: хотя Цвейга и призвали в армию, но отправили всего лишь на необременительную работу в военном архиве. Параллельно писатель – космополит и убежденный пацифист – мог публиковать антивоенные статьи и драмы, участвовать вместе с Роменом Ролланом в создании международной организации деятелей культуры, выступавших против войны. В 1917 г. цюрихский театр взялся за постановку его пьесы «Иеремия». Это дало Цвейгу возможность получить отпуск и провести конец войны в благополучной Швейцарии.

Повезло с внешностью. В молодости Цвейг был красив и пользовался большим успехом у дам. Долгий и страстный роман начался с «письма незнакомки», подписанного таинственными инициалами ФМФВ. Фридерика Мария фон Винтерниц тоже была писательницей, женой крупного чиновника. После окончания первой мировой войны они поженились.

Нежность

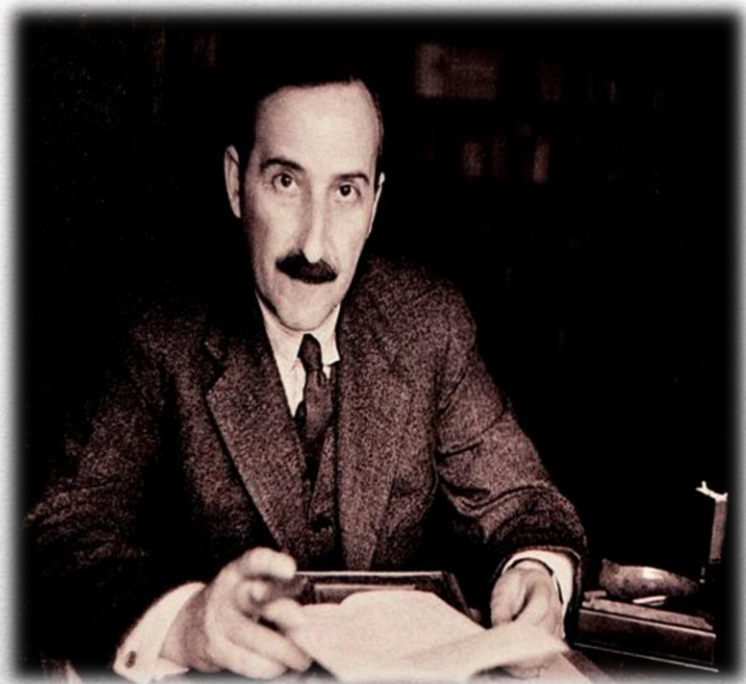
Перевод Г. Погожевой

Я первой нежности люблю возникновение,
Когда еще мечты и чувства полускрыты.
Потом нам суждены лишь бурные мгновенья,
На жизненном пути они, как версты, врыты.
В ней дуновение; двух кровей, текущих разное,
Прикосновение, очей и рук игра.
Но уж поблескивают искорки соблазна
И разлетаются, как ночью у костра.
Тем и мила она, что детская забава,
Но скоро налетит любовный не покой.
Трепещет на ветру весенняя дубрава
И гнётся под его безжалостной рукой.

Но больше всего, конечно, Цвейгу повезло в литературе. Он начал писать рано, в 16 лет напечатал первые эстетски-декадентские стихи, в 19 – издал за свой счет сборник стихов «Серебряные струны». Успех пришел мгновенно: стихи понравились самому Рильке, а грозный редактор самой солидной австрийской газеты « Neue Freie Presse», Теодор Герцль (будущий основатель сионизма), взял его статьи для публикации. Но настоящую славу Цвейгу принесли произведения, написанные после войны: новеллы, «романизированные биографии», сборник исторических миниатюр «Звездные часы человечества», биографические очерки, собранные в цикл «Строители мира».

Сам Цвейг считал себя гражданином мира. Он объездил все континенты, побывал в Африке, Индии и обеих Америках, разговаривал на нескольких языках. Франц Верфель говорил, что Цвейг был лучше, чем кто-либо еще, подготовлен к жизни в эмиграции. Среди знакомых и друзей Цвейга числились практически все европейские знаменитости: писатели, художники, политики.

Политикой Стефан демонстративно не интересовался, считая что «в реальной, в подлинной жизни, в области действия политических сил решающее значение имеют не выдающиеся умы, не носители чистых идей, а гораздо более низменная, но и более ловкая порода – закулисные деятели, люди сомнительной нравственности и небольшого ума», вроде Жозефа Фуше, биографию которого он написал. Аполитичный Цвейг даже на выборы никогда не ходил.

Еще гимназистом, в 15 лет Цвейг начал собирать автографы писателей и композиторов. Позднее это хобби стало его страстью, ему принадлежало одно из лучших в мире собраний рукописей, включавшее страницы, написанные рукой Леонардо, Наполеона, Бальзака, Моцарта, Баха, Ницше, личные вещи Гете и Бетховена. Одних каталогов насчитывалось не меньше 4 тысячи.

Весь этот успех и блеск имел, впрочем, и обратную сторону. В писательской среде они вызывали ревность и зависть. По выражению Джона Фаулза, «серебряная ложка со временем стала превращаться в распятие».

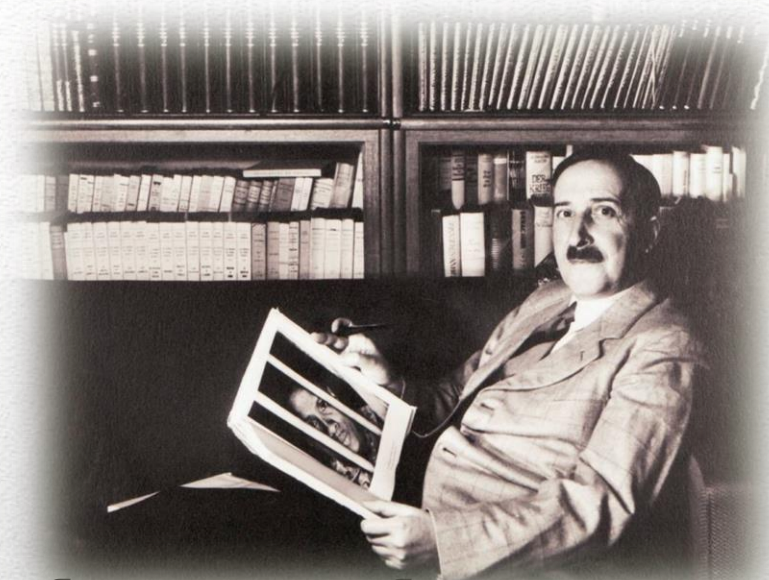
Брехт, Музиль, Канетти, Гессе, Краус оставили откровенно неприязненные высказывания о Цвейге. Гофмансталь, один из организаторов Зальцбургского фестиваля, потребовал, чтобы Цвейг на фестивале не появлялся. Писатель купил дом в маленьком, захолустном Зальцбурге еще во время первой мировой войны, задолго до всяких фестивалей, но это соглашение он соблюдал и каждое лето, на время фестиваля, уезжал из города. Другие были не столь откровенны. Томаса Манна, считавшегося немецким писателем № 1, не слишком радовал тот факт, что кто-то обогнал его по популярности и рейтингам продаж. И хотя он писал о Цвейге: «Его литературная слава проникла в отдаленнейшие уголки земли. Может быть, со времен Эразма ни один писатель не был столь знаменит, как Стефан Цвейг», в кругу близких Манн называл его одним из худших современных немецких писателей. Правда, планка у Манна была не низенькой: в ту же компанию вместе с Цвейгом угодили и Фейхтвангер, и Ремарк.

«Неавстрийский австриец, нееврейский еврей». Цвейг действительно не чувствовал себя ни австрийцем, ни евреем. Он осознавал себя европейцем и всю жизнь ратовал за создание объединенной Европы – безумно-утопическая идея в межвоенный период, осуществленная спустя несколько десятилетий после его смерти.

Читателю Цвейга трудно поверить в тот факт, что он дожил до 1942 г., пережил две мировые войны, несколько революций и наступление фашизма, что он объездил весь мир. Кажется, что его жизнь остановилась где-то в 20-х годах, если не раньше, и что он никогда не бывал за пределами Центральной Европы. Действие почти всех его новелл и романа происходит в довоенное время, как правило, в Вене, реже – на каких-нибудь европейских курортах. Такое впечатление, что Цвейг в своем творчестве пытался сбежать в прошлое – в благословенный «золотой век надежности».

Другим способом побега в прошлое были занятия историей. Биографии, исторические очерки и миниатюры, рецензии и воспоминания занимают в творческом наследии Цвейга куда больше места, чем оригинальные произведения – пара десятков новелл и два романа. Исторические интересы Цвейга не были чем-то необычным, всю немецкую литературу его времени охватила «тяга к истории» : Фейхтвангер, братья Манны, Эмиль Людвиг... Эпоха войн и революций требовала исторического осмысления. «Когда совершаются такие великие события в истории, не хочется выдумывать в искусстве», – говорил Цвейг.

В прощальном письме Цвейга было сказано: «После шестидесяти требуются особые силы, чтобы начинать жизнь заново. Мои же силы истощены годами скитаний вдали от родины. К тому же я думаю, что лучше сейчас, с поднятой головой, поставить точку в существовании, главной радостью которого была интеллектуальная работа, а высшей ценностью — личная свобода. Я приветствую всех своих друзей. Пусть они увидят зарю после долгой ночи! А я слишком нетерпелив и уйду раньше НИХ!».

***«Ангелы – это простые люди,
которые покончили с собой
оттого,
что им было плохо.
И теперь их дело – бродить по
земле,
пресекать отчаяние...»***

С. Цвейг

